

УДК 9.94(394)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580
Оригинальное исследование

Политическая жизнь Лаодикеи Приморской и её округи в римское время

Кириллов В.М.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
E-mail: vkirillov@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена обобщению сохранившейся информации о политической жизни Лаодикеи Приморской (совр. Латакия) в римское время. В качестве основных источников автор использует данные эпиграфики, играющей первостепенную роль, законодательства и античной нарративной традиции. В первой части работы проведён анализ института лаодикейского гражданства, затем дана характеристика деятельности коллегиальных органов управления в городе. После этого рассмотрены взаимоотношения Лаодикеи с центральными органами управления провинции и империи. В последней части статьи описан состав городских магистратов и выполняемых ими функций. Автор приходит к выводу, что развитая система политических институтов в Лаодикее стала одним из факторов для выделения территории с центром в городе в отдельную провинцию (Феодориада).

Ключевые слова: Лаодикея Приморская, магистраты, Сирия, городская традиция, городской совет

Для цитирования: Кириллов В.М. 2023. Политическая жизнь Лаодикеи Приморской и её округи в римское время. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 572–580. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580

Political Institutions in Laodicea on the Sea and its District During the Roman Time

Vladimir M. Kirillov

National Research University Higher School of Economics,
16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190121, Russia
E-mail: vkirillov@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to summarizing of extant information about political life in Laodicea on the Sea (modern Latakia) during the Roman time. The work represents a part of a comprehensive research of Laodicea and set goal to characterize and describe features of its political life. As the main sources the author uses data provided by epigraphic, rule and ancient narrative. All of them require a special approach to work with them but provide valuable data. In the first part of the work is carried out the analysis of Laodicean citizenship, then is characterized the work of collegial management bodies in the city. Then the relation between Laodicea and central management bodies of the province and the empire is discussed. In the last part of the paper the list of city magistrates and their duties is described. The author comes to the conclusion that the developed system of political institutions in Laodicea was a significant requirement to allocate the area centered in the city and create there a new province (Theodorias).

Key words: Laodicea in Syria, magistrates, Syria, urban tradition, city council

For citation: Kirillov V.M. 2023. Political Institutions in Laodicea on the Sea and its District During the Roman Time. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 572–580 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580

Введение

Полис как организованный гражданский коллектив занимал особое место в административной структуре Восточных провинций Римской империи. На текущий момент сохраняется актуальность изучения полиса как в вопросах обобщающего характера, так и в более узкой тематике. Применительно к первой группе задач отмечается необходимость обработки и сведения в целостное исследование историко-культурной традиции отдельных городов, в число которых входит и Лаодикея Приморская [Грушевой, 2013, с. 9]. Вторая часть затрагивает частные, но жизненно необходимые вопросы полисной жизни: взаимоотношения с императорской властью и провинциальной администрацией, механизм снабжения города продовольствием, организацию инфраструктуры.

Объект и методы исследования

Настоящая работа является частью комплексного изучения Лаодикеи Приморской в римское время и ставит целью дать характеристику и выявить особенности политической организации этого города. Выбор Лаодикеи в качестве сферы исследования обусловлен её важностью как экономического, культурного и административного центра, вокруг которого на протяжении длительного времени формировался регион, выделенный в VI веке императором Юстинианом в провинцию Феодориада [Begass, 2022].

Результаты и их обсуждение

Основу политической организации города составлял его гражданский коллектив. Механизм и специфические особенности приобретения гражданства в Лаодикее при текущем состоянии источников охарактеризовать невозможно, однако могут быть выдвинуты определённые предположения на этот счёт. В сохранившемся посвящении спортсмена Аврелия Септимия Ириней, установленном в 221 г., действующее лицо охарактеризовано как «гражданин Лаодикеи и других городов» (Λα<ο>[δι]κεύς...κα[ι] ἄλλων πόλεων πολεΐτης), при этом контекст следующей фразы подтверждает, что в первую очередь автор аффилирует себя именно с Лаодикеей, о которой не без гордости отзывается как об отечестве (μ[ό]νος ἐγὼ ἐκ τῆς ἑαυτοῦ πατρίδ[ος]; ἐν Λαοδικείᾳ, τῇ πατρίδι μου) [IGLS IV. 1265]. Аврелий не указывает, членом каких именно ещё коллективов он являлся. Его имя позволяет предположить, что он входил в число римских граждан, причём в первом поколении, – судя по помен, он был удостоен этого статуса при Септимии Севере (известно, что в 214 году Аврелий выступал на Немейских играх в категории мужчин, так что к моменту смерти императора тремя годами ранее он уже должен был обладать достаточным для этого возрастом). И.Ш. Шифман считает, что спортсмен получал гражданские права в городах в качестве почётной награды за выигранные соревнования и сравнивает его с другой подобной персоной Титом Клавдием Патробием [Шифман, 1977, с. 190]. Последний известен по фрагменту надписи 60-х гг. н. э. из Рима [SEG 14. 613], являлся выходцем из Антиохии, а его карьера имела куда больший успех. Он получил римское гражданство от Нерона, при этом дополнительно сохранял подобный статус только в Антиохии и Александрии. В этой связи сомнительно, что Аврелий Септимий Ириней был гражданином сразу 27 городов, в которых добился успеха на состязаниях, хоть и нельзя исключать наличие у него такого статуса в каких-то определённых центрах. Отсутствие их перечня в надписи указывает, что ценность подобного гражданства в глазах автора посвящения незначительна, предметом его гордости оно также не является, поэтому и не нуждается в упоминании.

В этом источнике показательна возможность получения гражданства сразу в нескольких полисах. Применительно к Лаодикее такое обстоятельство фиксируется задолго до III в. В опубликованной П. Русселем эллинистической надписи из храма Аполлона на Делосе (119/8 г. до н. э.) среди эфебов упоминается лаодикеец Зенон [Roussel, 1931,

р. 439]. Лаодикейцы Артемий и Дионисий упоминаются наряду с другими сирийцами в пирейском декрете 102/1 гг. до н. э. в качестве жрецов (ἱερεῖς) и членов коллегии сабазиастов [IG II–III. 1335].

Тенденция приобретения двойного, тройного и т. д. гражданства свидетельствует о деградации этого института, которая началась в эллинистическое, а затем продолжилась в римское время. Приобретает ценность не само гражданство как принадлежность к городскому коллективу и право на участие в его жизни, а получение такого статуса в отдельных, прежде всего больших и процветающих полисах. Причина этого явления понятна и носит утилитарный характер – гражданство открывает путь к городским магистратурам, что даёт возможность улучшить социальное и материальное положение. Эту же картину отражает отмеченное Ф. Кюмоном формирование гражданского коллектива в сирийских обществах римского времени преимущественно из финансово обеспеченных людей [Cumont, 1934, p. 188]. Имела место и возможность покупки гражданства, например, в находившемся в I в. под властью легата Сирии Тарсе желающий приобрести этот статус должен был заплатить в городскую казну 500 драхм [Dio Chr. Orat. 34, 23]. В связи с приведённой информацией посвящение Аврелия Септимия позволяет сделать вывод, что Лаодикея входила в ограниченное число сирийских городов, занимавших наивысший уровень развития урбанистической традиции в регионе, наличие гражданства которых имело особую ценность для его настоящих и потенциальных обладателей.

Значительную роль в политической жизни Лаодикеи и её окружи римского времени играли коллективные органы власти – совет и народное собрание, которые упоминаются в сравнительно большом количестве надписей. Тем не менее о сфере деятельности этих институтов известно мало, почти все данные представляют собой посвящения в честь отдельных лиц. В этом вопросе оба коллегиальных органа могли выступать как вместе [IGLS IV. 1257, 1302], так и по отдельности [IGLS IV. 1259, 1303], при этом выделить особенности чествуемых лиц и критерии распределения юрисдикции по их вопросам между обоими органами власти не представляется возможным.

О должностных лицах в совете и народном собрании города сообщает надпись из входившей в сферу лаодикейских интересов Баланеи. Она содержит упоминание грамматевса, который исполнял секретарские функции [IGLS IV. 1303]. Известно, что в других городах Сирии эта должность могла быть коллегиальной [IGLS VII. 4016 bis], занималась на определённый срок, после чего кандидат мог быть переизбран или назначен на неё заново [Inv. I. 2]. В источниках также встречается формула «грамматевс совета и народа» [Inv. X. 55], Л. Жалабер и Р. Мутерд предлагают для баланейской надписи именно этот вариант прочтения. Последнее обстоятельство весьма симптоматично – координируя действия сразу обеих коллегий, грамматевс выступал в роли связующего звена между ними и получал контроль над их деятельностью, что делало его важным и влиятельным лицом в системе городских органов управления.

Сохранилась информация о порядке замещения должностей в лаодикейском совете. Датированная римским временем надпись [IGLS IV. 1259] сообщает об Аполлонии, дочери Зе..., которая в обмен на звание члена совета для своего мужа соорудила шесть ворот в какой-то постройке, вероятно, одном из храмов, а для получения этой же должности её детьми оформила вымосткой двадцать участков колоннады (μεσόστυλ<α>). Критерием для получения звания члена совета служил имущественный ценз, при этом кандидат должен был внести вклад в развитие городской инфраструктуры. Это закрывало для неимущих слоёв населения возможность доступа в данный орган власти, который формировался полностью из представителей имущественной аристократии. Необходимость тратить значительную сумму из собственных средств не снижала стремления желающих попасть в число членов совета, единственной причиной этого могло быть только то, что полученная от занимаемой должности выгода в конечном итоге покрывала расходы на её приобретение. Такой взгляд на положение городских магистратов не всегда находит поддержку в

отечественной историографии, где исполнение ими своих обязанностей рассматривается как тяжёлая повинность, да и в целом преобладает пессимистичный взгляд на наличие политической жизни в сирийских городах римского времени [Ранович, 1949, с. 132]. Ситуация, при которой в состав совета попадали члены одной семьи, должна была приводить к попыткам их совместных действий в интересах собственного коллектива. При текущем состоянии источников невозможно более подробно охарактеризовать данный процесс. Однозначно лишь наличие в Лаодикее такого влияния, что видно по находке торгового штампа некоего Кирилла-Анатолія, который охарактеризован как сын члена совета [IGLS IV. 1274]. Помещение на печать подобной информации носило явно утилитарный характер и было призвано каким-то образом способствовать в ведении Кириллом торговых дел.

Сама покупка должностей фактически носила характер нормы. Показательно, что Дигесты сохранили комментарии римских юристов II–III вв. (Гай, Ульпиан, Лициний Руфин), очень близко описывающие ситуацию с Аполлонией и её родственниками [Dig. 24. 1, 40–42]. Гай возводит появление этого закона ко времени Антонина Пия и сохраняет информацию, что особенно остро рассматриваемый вопрос стоял в провинциях. Факт упоминания такой нормы сразу несколькими авторитетными в области права авторами указывает на её широкое распространение, а необходимость помещения в Дигесты могла быть вызвана сохранением актуальности на протяжении длительного периода.

В отличие от подавляющего большинства городов Востока для Лаодикее представляется возможным подтвердить наличие коллегиальных органов управления и в эпоху домината. Известна надпись с постамента, которая сообщает, что совет и народ Лаодикее (*ordo et populus Laodicenorum*) воздвигли в честь императора Констанция II позолоченную статую, изображающую властителя стоящим во весь рост и одетым в тогу [Aliquot, 2010, S. 62–63]. Ж. Алико датирует надпись 337–350 или 360–361 гг. Латинская формулировка *ordo et populus*, несмотря на оригинальное предположение П. Вейна, возводящего её к республиканской трактовке римских сената и народа [Veune, 1961, p. 269], применительно к городам восточных провинций должна иметь иной смысл и быть тождественной греческим *βουλή καὶ δήμος*, обозначая именно эти привычные для полиса институты. Их сохранение и функционирование на протяжении длительного времени свидетельствует о развитой системе местного самоуправления, её эффективности и удобстве применения для решения административных задач.

Деятельность городского совета в Лаодикее также характеризует надпись, содержание которой датируется эллинистическим временем, но сама стела, на которой она размещена, по палеографическим особенностям относится уже к римскому периоду [IGLS IV. 1261]. Она воспроизводит решение пелиганов по вопросу защиты от возможных посягательств на частную земельную собственность жрецов Сераписа и Исиды, принятое в январе 174 г. до н. э. Первооткрыватель надписи П. Руссель считает возможным понимать под пелиганами совет старейшин (герусию) – орган, существование которого отмечено в ряде малоазийских городов, круг обязанностей герусии он ограничивает религиозными вопросами [Roussel, 1942, p. 30–31]. Наличие такого совета отмечено и для городов Сирии, в частности, для Арада [IGLS VII. 4016 bis], однако предложение Русселя не может быть безоговорочно принято. Он обосновывает свою позицию сообщением Страбона [Strabo. VII, Fr. 2], который приводит данные, что у феспровтов, молоттов и македонян стариков называют пелиями (*τοὺς γέροντας πελίους...καλοῦσιν*), а занимающих почётные должности – пелигонами (*πελιγόνας*). С этой точки зрения пелиганы в древности выступали в роли специфического для некоторых племён совета старейшин, который с течением времени трансформировался в звено государственного административного аппарата. В Сирии такой институт мог появиться как результат македонской экспансии периода эллинизма. Весьма вероятно, что в момент основания Лаодикее Селевком I Никатором основу политической организации города составили выходцы из Эпира или Македонии, которые использовали для названия органа управления привычный им термин.

Существенную информацию о пелиганах приводит Гесихий Александрийский [Hesych. Al. Lex, 1329], который в качестве синонима называет слово «достопочтенные» и добавляет, что у сирийцев так называются члены совета (παρὰ δὲ Σύροις οἱ βουλευταί). Эти данные подтверждают приведённое выше предположение. Какие-либо специфические черты деятельности этого собрания в Лаодикее Приморской, которые позволили бы ему отличаться от обычных буле, не выявлены.

Эта же надпись содержит данные о порядке принятия советом решений и его взаимодействии с представителями центральной власти. Она открывается формулой «мнение (γνώμη) эпистата Асклепиада и архонтов», затем следует изложение сути вопроса и варианта его решения, после чего помещается постановление совета (δεδοχθαι τοῖς πελιγαῖσιν), которое выражает согласие с предложенным порядком действий. Таким образом, фактическим инициатором решения выступает царский наместник, который разрабатывает и выносит на голосование его проект, функция совета в этом случае сводится к легитимизации действий представителя центральной власти.

Есть основания полагать, что при римлянах такой порядок не претерпел изменений. Наряду с известным стремлением последних сохранять существующее до них положение на местах [Bouchier, 1916, p. 24] сохранилась и информация о нахождении Лаодикеи под покровительством некоего высокопоставленного лица, имя которого утрачено. Фрагментированная надпись (IGLS IV. 1258) содержит посвящение патрону и благодетелю города за оказанные с его стороны лаодикейцам услуги (...[τὸν] πάτρονα κ<α>[ἰ εὐεργ]έτ<η>[ν τῆς πόλεω[ς] τῶν πολλ]ῶν κα[ὶ συνε]χῶ[ν] ἀ[οιβ]ῆς εὐποῖῶν καὶ εὐχαριστίας χάριν)). Титул, которым именуется чествуемое лицо ([πρ]εσβευτήν ἀν[τιστρά]τη[ρον]), имеет параллели в источниках и соответствует должности легата пропретора [Pflaum, 1955, p. 425], что позволяют видеть в нём наместника Сирии. Данная надпись показывает схему взаимодействия Лаодикеи с властями провинции, при котором город занимал положение клиента её правителя. В административном плане это фактически обозначало подчинение непосредственно первому лицу провинции, от кого должны были исходить указания о решениях городских вопросов (благодеяния). Разумеется, выполняя обязанности клиента, полис оказывал поддержку провинциальной администрации, что укрепляло позиции римской власти в регионе.

Даже если такая ситуация возникала эпизодически и была привязана к личности наместника, Лаодикея в остальное время не выпадала из орбиты централизованного управления. Связующим звеном между империей, провинцией и городом служили римские чиновники различного ранга. В качестве одного из них зафиксировано пребывание в городе бенефициария префекта претория [IGLS IV. 1253]. Бенефициарии входили в состав аппарата высоких должностных лиц [Смышляев, 1979, с. 69–70], являлись армейскими офицерами, которые совмещали с военной службой исполнение канцелярских обязанностей, таможенного контроля, полицейского и фискального надзора [Ott, 1995, S. 74; Nelis-Clément, 2000, p. 217, 220]. Широкий набор полномочий делал бенефициариев фактическими представителями центральной власти на местах, особенно в провинциях, где административный аппарат был не так развит. Деятельность такого чиновника не могла не оказывать влияние на работу местных магистратов и коллегиальных органов управления.

Известно о существовании в городе разветвлённого аппарата магистратов, исполнявших широкий круг обязанностей. Начиная с эллинистического времени фиксируются лица, занимавшие должность агоранома. Надписи на весовых гирях селевкидского и раннеримского времени в различных комбинациях содержат информацию о годе выпуска, весе и имени ответственного лица, также может помещаться эмитент (Лаодикея Приморская) и должность (агораном) магистрата. Одинаковое назначение, внешний облик и структура надписей позволяет рассматривать данные источники в составе одной группы. Наиболее ранняя из подобных гирь датируется 168 г. Селевкидской эры (145/4 г. до н. э.), выпущена от имени Аполлодора и имеет вес полмины [IGLS IV. 1271a]. Первое прямое

упоминание должности агоранома относится к 106/5 г. до н. э. [IGLS IV. 1271b]. Помещение даты указывает, что исполнение данной магистратуры было ограничено во времени, а продолжительность с большой долей вероятности составляла один год.

Для раннеримского времени известен уникальный случай, когда две аналогичные гири выпущены с применением одной матрицы, при этом они изготовлены от имени всей городской общины без указания ответственного лица. Первая из них хранилась в музее Дамаска [IGLS IV. 1271c; 53/2 г. до н. э.], другая в 2014 году попала в кабинет монет и медалей Национальной библиотеки Франции [Gatier, Olivier, 2015, p. 258]. Отсутствие имени магистрата на сохранившихся гирях может указывать, что в период их выпуска произошли какие-то изменения, в силу которых должность агоранома в городе не исполнялась. Вероятно, это было связано с хаосом, который как раз тогда царил в Сирии в ожидании парфянского вторжения после разгрома Красса в битве при Каррах [Cass. Dio. XL, 28–29].

Как бы то ни было, данный эпизод пока может считаться единичным. В остальных случаях информация о выпуске от имени города дополнялась или заменялась именем ответственного магистрата [IGLS IV. 1271d, f, h, i; 81–51, 36/5, 6/5 г. до н. э., 23/4 г. н. э. со-отв.]. Наиболее позднее упоминание должности агоранома на весовых эталонах относится к 6/5 г. до н. э., а последняя известная гиря этой серии датируется 37/8 г. [IGLS IV. 1271j].

В более поздний период, который укладывается в рамки от времени правления Траяна до Септимия Севера, с обнаруженных в Лаодикее весовых гирь полностью исчезают данные об эмитенте. Сохраняется информация только о годе выпуска и нормативном весе [Seyrig, 1946–1948, p. 62–66]. Данное обстоятельство не служит свидетельством об исчезновении должности агоранома в городе. Оно отражает эволюцию функционала, из которого была изъята обязанность контроля за мерами и весами на рынке. В округе Лаодикие существование подобной магистратуры зафиксировано на протяжении II в. [IGLS IV. 1303], в Сирии в целом известны и более поздние эпизоды вплоть до конца 260-х гг. [IGRRP. 1045].

И.Ш. Шифман приводит данные из талмудической традиции [Menachot, 85b], на основании которых делает вывод о существовании в городе должности эпимелета и его обязанностях по снабжению продовольствием [Шифманб, 1977, с. 225]. Источник носит характер анекдота и описывает ситуацию, при которой лаодикейцы отправили некое уполномоченное лицо на поиски масла, в котором была необходимость. Посланец искал его по всей Сирии, пройдя от Иерусалима до Халаба (Алеппо), в итоге успешно выполнив свою задачу и закупив требуемый объём. Именно этого человека Шифман описывает как эпимелета, хотя слово «*pwlmtsws*», которым он обозначен в тексте, не даёт достаточных оснований для такой аналогии. Интереснее формулировка «*nšy lwdqy*» (мужи лаодикейские), под которой может пониматься гражданский коллектив города, хотя специфический жанр источника и контекст рассказа с большей долей вероятности позволяют предположить, что речь идёт о представителях местной еврейской общины.

Представляет интерес надпись II века из Баланеи, которая сообщает о существовании в лаодикейской округе должности гимнасиарха [IGLS IV. 1302]. Она занималась в данном случае Филиппом, сыном Антипатра, который также исполнял обязанности священнослужителя. Конкретный круг обязанностей гимнасиарха в данном случае источник не раскрывает, но упоминает, что со стороны названного лица вносились добровольные пожертвования. Стоит полагать, что эти пожертвования имели вполне определённую цель и тратились на организацию работы гимнасия в городе.

Создать представление о ступенях регионального *cursus honorum* и других должностях, которые не нашли отображения в остальных источниках, позволяет уже упоминавшееся посвящение некоего ...ора, сына Антиоха, внука Деметрия, относящееся ко II веку [IGLS IV. 1303]. Учитывая особенность надписей, при которой порядок занимаемых магистратур отображается в обратном их исполнению направлении, карьера этого человека восстанавливается следующим образом. Началась она с получения декапротии, что в це-

лом типично для сирийских полисов и имеет аналогии [Ранович, 1949, с. 138]. Затем ...ор стал агораномом, грамматевсом (надо полагать, совета и народа, хотя уточнение отсутствует), далее снабжал город продовольствием (ситон, за свой счёт), после чего исполнял обязанности посланника у императора, потом добился звания архонта, завершил службу в чине стратега. Кроме перечня магистратур и их последовательности источник заставляет обратить внимание на переплетение должностей городского и имперского уровня, что является отражением процесса включения городских сообществ региона в единую систему государственного управления. Также примечательно параллельное существование архонтата и стратегии как двух верховных органов управления, которые при таком условии должны были иметь разные сферы деятельности (например, отвечать за военные и гражданские вопросы).

Заключение

В целом полученная информация, при всех пробелах и недостатках источниковой базы, позволяет прийти к выводу о существовании в Лаодикее и её округе развитой системы политических институтов. Они включали в себя коллегиальные органы управления, большое количество различных полисных магистратур. Также отчётливо наблюдается тенденция присутствия в городах представителей центральной власти и их влияние на решение вопросов местного уровня. Имеющиеся данные позволяют прийти к выводу, что качественная, эффективная и структурированная политическая организация региона стала важным условием при последующем выделении данной территории Юстинианом и формировании на ней отдельной провинции.

Список источников

- Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. 2004. М., «Статут», 2004, 780.
- Dio Chrysostom. In five volumes. Volume III, with an English translation by J.W. Cohoon and H. Lamar Crosby. Loeb Classical Library. Volume 358. 1940. London-Cambridge-Massachusetts, Harvard University Press; William Heinemann Ltd., 482.
- Dio's Roman History. In nine volumes. Volume III, with an English translation by E. Cary. Loeb Classical Library. Volume 53. 1914. London-New York, William Heinemann; The Macmillan Co, 520.
- Hesychii Alexandrini Lexicon. Volumen III: Π-Σ. Herausgegeben von Klaus Alpers, Hartmurt Erbse, Alexander Kleinogel. Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker (SGLG). 2005. Berlin-New York, Walter de Gruyter, 404.
- Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Voluminis II et III edition minor. Pars prima, edidit Iohannes Kirchner. 1974. Chicago, Ares Publishers Inc., 680.
- Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes. Tomus III. Edendum curavit R. Cagnat. 1975. Chicago, Ares Publishers Inc., 696.
- Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie par L. Jalabert, R. Mouterde, C. Mondésert. Tome IV: Laodicée, Apamène №^{os} 1243–1997. 1955. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 380.
- Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie. Tome VII. Arados et regions voisines, par. J.-P. Rey-Coquais. 1970. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 120+16.
- Inventaire des inscriptions de Palmyre. Fascicule I, Introduction, le temple de Be'el, emīn. Fascicule II, Les colonnes honorifiques, par J. Cantineau. 1930. Beyrouth, Imprimerie catholique, 25.
- Inventaire des inscriptions de Palmyre. Fascicule X, L'agora, par. J. Starcky. 1949. Damas, Imprimerie catholique, 95+VIII.
- Supplementum Epigraphicum Graecum. Volumen XIV, redigendum curavit A.G. Woodhead; adiuvantibus M.N. Tod et A.M. Woodward; consilium praebentibus W. den Boer, B.A. van Groningen, J.H. Thiel. 1957. Lugduni Batavorum, Apud A.W. Sijthoff, XVI+232.
- The Geography of Strabo. In eight volumes. Volume III, with an English translation by H.L. Jones, Loeb Classical Library. Volume 182. 1954. London-Cambridge-Massachusetts, William Heinemann Ltd.; Harvard University Press, 380.

Список литературы

- Грушевой А.Г. 2013. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). СПб., Нестор-История, 380.
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.-Л., Изд-во АН СССР, 264.
- Смышляев А.Л. 1979. Об эволюции канцелярского персонала в Римской империи в III в. н. э. Вестник Древней истории 3: 60–81.
- Шифман И.Ш. 1977. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М., Наука, 310.
- Aliquot J. 2010. Laodicée-sur-Mer et les fondations de l'empereur Constance. Chiron. Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Institut. Sonderdruck aus Band 40: 61–76.
- Begass C. 2022. Die Gründung der Provinz Theodorias durch Justinian. Johannes Malalas: Der Chronist als Zeithistoriker. Malalas-Studien, 4: 153–173.
- Bouchier E. S. 1916. Syria as a Roman province. Oxford, B.H. Blackwell, Broad Street, 304.
- Cumont F. 1934. The population of Syria. The Journal of Roman studies, 24: 187–190.
- Gatier P.-L., Olivier J. 2015. Un poids antique de Laodicée-sur-Mer (Syrie). Syria, 92: 255–262.
- Nelis-Clément J. 2000. Les beneficiarii: Militaires et Administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a.C. – VIe s. p.C.). Paris-Bordeaux, Ausonius Éditions, 558.
- Ott J. 1955. Die Beneficiarii. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des Römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 246.
- Pflaum H. G. P. 1955. Novius Priscus. Bulletin de Correspondance Hellénique 79: 424–426.
- Roussel P. 1931. La population de Délos à la fin du IIe siècle avant J.-C. Bulletin de correspondance hellénique 55: 439–449.
- Roussel P. 1942. Décret des Péliganes de Laodicée-sur-Mer. Syria 23, fascicule 1–2: 21–32.
- Seyrig H. 1946–1948. Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie. Bulletin de Musée de Beyrouth VIII: 37–79.
- Veyne P. 1961. Ordo et populus, génies et chefs de file. Mélanges d'archéologie et d'histoire 73: 229–274.

References

- Grushevoj A.G. 2013. Ocherki ekonomicheskoy istorii Sirii i Palestiny v drevnosti (I v. do n. e. – VI v. n. e.) [Essays on economic history of ancient Syria and Palestine (1st c. BC – 6th c. A.D.)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 380 (in Russian).
- Ranovich A.B. 1949. Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv. [The Eastern provinces of the Roman Empire in 1st-3rd c. A.D.] M.-L., Izd-vo AN SSSR, 264 (in Russian).
- Smyshlyaev A.L. 1979. Ob evolyucii kancelyarskogo personala v Rimskoj imperii v III v. n. e. [About the evolution of clerical staff in the Roman Empire from 3rd till 5th c. A.D.]. V kn.: Vestnik Drevnej istorii 3: 60–81 (in Russian).
- Shifman I.Sh. 1977. Sirijskoe obshestvo epohi principata (I–III vv. n. e.) [The Syriac society of the Principate era (1st-3rd c. A.D.)]. M., Nauka, 310 (in Russian).
- Aliquot J. 2010. Laodicée-sur-Mer et les fondations de l'empereur Constance. Chiron. Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Institut. Sonderdruck aus Band 40: 61–76.
- Begass C. 2022. Die Gründung der Provinz Theodorias durch Justinian. Johannes Malalas: Der Chronist als Zeithistoriker. Malalas-Studien, 4: 153–173.
- Bouchier E. S. 1916. Syria as a Roman province. Oxford, B.H. Blackwell, Broad Street, 304.
- Cumont F. 1934. The population of Syria. The Journal of Roman studies, 24: 187–190.
- Gatier P.-L., Olivier J. 2015. Un poids antique de Laodicée-sur-Mer (Syrie). Syria, 92: 255–262.
- Nelis-Clément J. 2000. Les beneficiarii: Militaires et Administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a.C. – VIe s. p.C.). Paris-Bordeaux, Ausonius Éditions, 558.
- Ott J. 1955. Die Beneficiarii. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des Römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 246.
- Pflaum H. G. P. 1955. Novius Priscus. Bulletin de Correspondance Hellénique 79: 424–426.
- Roussel P. 1931. La population de Délos à la fin du IIe siècle avant J.-C. Bulletin de correspondance hellénique 55: 439–449.
- Roussel P. 1942. Décret des Péliganes de Laodicée-sur-Mer. Syria 23, fascicule 1–2: 21–32.
- Seyrig H. 1946–1948. Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie. Bulletin de Musée de Beyrouth VIII: 37–79.
- Veyne P. 1961. Ordo et populus, génies et chefs de file. Mélanges d'archéologie et d'histoire 73: 229–274.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.04.2023
Поступила после рецензирования 28.06.2023
Принята к публикации 28.06.2023

Received 17.04.2023
Revised 28.06.2023
Accepted 28.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кириллов Владимир Михайлович, преподаватель Департамента истории, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3992-1934](https://orcid.org/0000-0003-3992-1934)

Vladimir M. Kirillov, Lecturer of the Department of History, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia